

ПОНИМАНИЕ КАК МЕТОД НАУК О ПСИХИКЕ¹

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. В статье дается историко-теоретический анализ понимания как метода наук о психике в контексте декларируемого сегодня очередного кризиса психологической науки. Автор показывает, как предпринимаются попытки уйти от естественно-научного методологического монизма к монизму гуманитарно-научному, соглашаясь, скорее, с теми, кто выступал и выступает против «циклопной, одноглазой психологии».

Ключевые слова: понимание, объяснение, интерпретация, естественно-научный, гуманитарно-научный, описательная психология, вчувствование.

Понимание как метод наук о (человеческой) психике возникло в психологической школе, которая ведет свое начало от немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (W. Dilthey, 1833–1911) и в специальной литературе известна под названием «понимающая психология», или «научно-духовная/гуманитарная психология». Правда, сам Дильтей не пользовался этими названиями. Вначале он говорил о «реальной психологии», затем об «описательной и аналитической (zergliedender) психологии» и, наконец, о «структурной психологии». Известна его книга «Описательная психология», вышедшая на русском языке в Санкт-Петербурге лишь в 1994 г. «Понимающей психологией» она, как новое учение о душевной жизни, была названа известным немецким философом и психопатологом Карлом Ясперсом в 1913 г. Под названием «гуманитарная психология» она впервые упоминается в работах другого немецкого ученого – Эдуарда Шпрангера (1914). Они и оказались видными представителями первого оппозиционного течения по отношению к классической «элементной, или ассоциативной психологии», предметом которой было сознание (рацио), а философской базой – рационализм Декарта (cogito ergo sum – мыслю, значит, существую; душа – это сознание и ничего более). Среди других сторонников «новой психологии» следует назвать Александра Пфендера, Ганса Груле и Теодора Эрисмана. Предметом этой психологии стало «das Erleben» – «переживание».

Со смещением предмета психологии с рационального сознания на непосредственное и целостное переживание меняется и метод. Дильтей, Шпрангер считали, что только понимание ведет в глубины души, в то время как естественно-научное объяснение охватывает лишь поверхность, «скорлупу» душевной жизни. Посредством причинной редукции можно объяснить психофизические взаимосвязи, но не достичь собственно психического. Сущность, ядро психического – мотивационные и чувственные взаимосвязи – можно только понять, но не объяснить. Так сказать, в немилость к сторонникам понимающей психологии попали, как принадлежащие к методу объяснения, и эксперимент, и индуктивное движение мысли от фактов к общему, и измерение, и статистика. Они ставили, говоря жестко, интуи-

цию выше индукции (индуктивный – рациональный способ мышления в процессе познания).

В свою очередь, экспериментальные психологи как приверженцы метода объяснения называли своих «гуманитарных» коллег «писателями, красиво пишущими», «системными поэтами» и т.д., чтобы показать, что в их глазах метод понимания проходит мимо фактов. Историк психологии Людвиг Понграц (1967, с. 263) предлагает оставить этот «спор о рангах», поскольку последний уже в целом относится к прошлому. Но мы не можем с этим согласиться, поскольку сегодня являемся свидетелями, я бы сказал, бурного ренессанса и «понимающей психологии», и «понимающего метода», особенно в отечественной психологии, после пребывания их довольно длительное время в «анабиозе».

Почему имел место анабиоз и почему это возрождение? Прежде чем ответить на эти вопросы, нам следует осуществить историко-теоретический анализ метода понимания (das Verstehen, die Verstehensmethode).

И в этой связи следует помянуть добрым словом немецкого ученого Йогана Дройзена [Historik, 1937], который, пожалуй, первым отграничил метод понимания в исторических науках от естественно-научного объяснения и тем самым обосновал как бы право на самостоятельность гуманитарных (духовно-научных) наук.

В историю психологии понимание вошло вместе с переживанием. Как они связаны? Дильтей писал, что «понимание предполагает переживание» [19, с. 143]. Тем самым понимание зависит от переживания. Постпереживание, проникновение в мир переживаний другого человека зависит от собственного, аналогичного переживания. Это принципиальное мнение Дильтея. Мы попытаемся в этом разобраться детальней. Но с другой стороны, переживание также зависит от понимания. Понимание делает переживание осознанным, делает его жизненным опытом. Больше того: в понимании переживание выводится из узости субъективности в область целостного и общего. Поскольку понимание ориентировано на общее, в индивидуальном должно стать транспарентным (увиденным) сверхиндивидуальное, «подобное по форме», «общее». Наконец, по мнению Дильтея, наше собственное переживание через постпережитое понимание чужой жизни содержательно расширяется и обогащается. Переживание и понимание находятся тем самым в отношениях взаимной обусловленности.

¹ Об «Объяснении в науках о психике» см.: Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основания психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988. С. 37–46.

Обратимся теперь конкретно к пониманию значения слова «понимание». В языках литовском, румынском, таджикском, татарском, финском, шведском, эстонском, японском слово «понимание» указывает на предметную деятельность в значении «уметь», «разбирать», «рассматривать», «упрощать», «находить». В языках венгерском, китайском, турецком его значение соотносится с представлением об «окончании действия», «завершении», «созревании». В некоторых языках «понимание» непосредственно соотносено с элементарным «чувствованием», «ощущением» (французский, турецкий). Ряд языков, в том числе и русский, выделяют в значении «понимание» идею «овладение», «превращение в свое» [8, с. 38]. В родном для Дильтея немецком языке, как и для нас в русском, глагол «verstehen» («понимать») используется в разном значении: мы понимаем смысл предложения, сообщения, иностранную речь или их не понимаем. Что-то понимаем или в чем-то разбираемся.

Определения слов, терминов, понятий нередко начинаются следующим образом: «Под X понимается, или мы понимаем...». Понимание такого рода Ясперс называл «рациональным», другие авторы – «логическим пониманием», или «понятийным». Понимание может также означать: что-то мочь, в чем-то разбираться. Эту форму понимания можно обозначить как **практическое понимание**. Но имеет место и **психологическое понимание**. Мы понимаем непосредственно выражение лица другого человека, его жесты и манеру поведения, его походку и позу. Мы обычно говорим: «Я не понимаю, как ты мог/могла нечто сделать», с чем, как правило, связана оценка. Мы понимаем, почему у обиженного человека появляется желание отомстить, почему честолюбивого так ранит критика, почему кто-то кому-то изменил или даже совершил убийство или самоубийство. В этих случаях мы имеем в виду только психологическое понимание.

Но является ли это понимание научным или донаучным, наивным? Этот вопрос оставался спорным со времен Дильтея. Он же выделяет «элементарную» и «высокую» форму понимания. Элементарное понимание происходит непосредственно; никакие рациональные акты не оказываются между наблюдением и пониманием. Это, прежде всего, выражение переживания, которое таким образом непосредственно оказывается понятым. Практическая жизнь востребует такое элементарное понимание: «В процессе взаимодействия людей каждый хочет понимать, что хочет от него другой. Так возникают элементарные формы понимания» [19, с. 207]. Наряду с непосредственностью Дильтей называет и другой признак элементарного понимания – отнесенность к отдельному жизненному выражению/проявлению. Конкретный взгляд, жест, поведение понимается элементарно как выражение внутреннего, структурных и чувственных взаимосвязей или даже всей биографии.

Душевные/психические взаимосвязи поддаются лишь высшему пониманию. Оно базируется на элементарном понимании, предполагает его. Высшее понимание востребовано прежде всего, когда элементарное понимание не справляется, когда мы не можем понять выражение жизни (Lebensausserung). Непонятое стимулирует высокое понимание, методическую процедуру.

К. Ясперс обозначил эти два вида понимания как статическое и генетическое. Он писал: «Понимание охватывает отдельные психические качества и состояния, как они переживаются (феноменология), последнее – восхождение (Auseinanderhervorgehen) психического из психического, как это движется при мотивационных взаимосвязях, контрастных влияниях, диалектических переменах/поворотах» [13, с. 255]. В отличие от Дильтея, у Ясперса отсутствует диакритикум (диакритический знак) непосредственности. Статическое понимание истолковывается не как непосредственное понимание, а как часть процесса понимания, как описание феномена.

С целью различения научного и ненаучного понимания немецкий ученый Роберт Гейс [23] ввел понятия непосредственного и опосредованного понимания. Непосредственное понимание основывается на позитивной или негативной идентификации (сочувствие, любовь, ненависть) и отказывается от любого объяснения. Опосредованное понимание, напротив, использует размышление и объяснение как вспомогательные средства. К такому виду понимания можно отнести глубиннопсихологическое понимание. Психотерапевт пытается понять ситуацию своего клиента не только через вчувствование (эмпатию) и применение процедур (Nachvollzug); в большей степени он использует редуцирующее объяснение, относя психические расстройства к определенному кругу неврозов, пытаясь их объяснить посредством гипотезы и теории (например, фрейдовской) и тем самым прийти к глубокому пониманию.

Теперь сконцентрируемся на «опосредованном», «высоком», или «критическом», понимании в психологии, на понимании как методе. Это необходимо, поскольку представители понимающей психологии считают понимание равным объяснению, а в психологических вопросах даже методом, превосходящим объяснение. Дильтей называет три особенности нового способа исследования: во-первых, он уходит корнями в непосредственное, целостное переживание. Структурные взаимосвязи, по Дильтею, даны нам живыми; а понимание – для того, чтобы «из них сделать для нас понятным отдельное» [19, с. 172]. Итак, понимание идет от данностей внутреннего опыта или восприятия, в то время как объясняющая психология – от гипотез. Тем самым для первой – понимающей психологии – вначале находятся целое, взаимосвязь, а для второй – объясняющей психологии – части (элементы). Кто исследует с помощью метода понимания (понимающе), согласно Дильтею, движется аналитически, пытается разложить целое на составные части; кто исследует с помощью метода объяснения (объясняюще), вынужден конструировать взаимосвязи из частей, т.е. заниматься синтезом.

Вторую особенность метода понимания Дильтей называет «интеллектуальностью внутреннего восприятия» и пишет по этому поводу следующее: «Мы узнаем об этой взаимосвязи в нас лишь отрывками, то в одном, то в другом пункте на нее падает свет, открывающий суть, поскольку психическая сила как бы не может представить в сознании (помочь осознать) сразу все звенья внутренних взаимосвязей. Чтобы осознать душевную взаимосвязь в ее существенных деталях, требуется включение элементарных логических процессов: различать, находить общее, определять степень различий, разделять, абстрагировать, связывать в одну многие взаимосвязи, из многих фактов извлекать общее...» [19, с. 168]. Согласно Дильтею, при понимании ни в коем случае не идет речь о субъективном произволе, лишь о сигналах чувств, о неконтролируемом интуитивизме. И при понимающих приемах присутствует дискурсивное мышление: имеет место абстрагирование, обобщение, увязывание.

Третья особенность психологического метода понимания представляется Дильтеем следующим образом: «Отдельные душевные процессы в нас, объединения душевных фактов, которые мы воспринимаем внутренне, выступают в нас с различным осознанием их ценности для общего. Так отделяется во внутреннем понимании существенное от несущественного. Психологическая абстракция, которая выделяет взаимосвязь жизни, обладает для совершения этого ведущей нитью в этом непосредственном сознании ценности отдельных функций для целого, чем не обладает естественное познание» [19, с. 168]. Познание сущности – главная цель понимающих приемов. Оно обозначается Дильтеем как акт непосредственного сознания. Познание сущности действительно является спецификой метода понимания не только в психологии, которая стремится к выявлению сущности личности, развивающегося гештальта и т.д., но также и в философии, и в гуманитарных науках. Сущность же есть нечто большее, чем взаимосвязь фактов, она выходит (трансцендирует) за существующее, является, в конце концов, результатом творческого акта, который вырастает из исходного понимания, что задается изначально человеческому бытию в этом мире.

Дильтей характеризовал свой метод как «раскладывающий на части» и «описательный». «Раскладывается», или анализируется, данная комплексная действительность. И другие науки тоже анализируют: логика, химия, физика; они ищут факторы действительного. Особенность же психологического анализа в том, что его предмет – это действительность переживания и что «без формулирования в промежутке каких-либо гипотез» из этой взаимосвязи звенья как бы вынимаются и помещаются обратно [19, с. 166].

Как анализ, так и описание не являются особенностью психологии. Естественные науки тоже описывают. Мы сегодня понимаем под описанием языковую фиксацию наблюдаемых нами случайно или систематически данных. Так, экспериментальная психология описывает порядок,

процесс и результаты своих исследований. От описания следует отличать интерпретацию как особый акт. Для Дильтея описание означает большее: «Я понимаю под описательной психологией изображение представленных в каждой развитой душевной жизни одинаковых по форме составных частей и взаимосвязей, как они увязаны в одну единственную взаимосвязь, которые не вдумываются и не открываются, а переживаются» [19, с. 152]. Она, описательная психология, «рассматривает, анализирует, экспериментирует и сравнивает. Она использует любое вспомогательное средство для решения своей задачи». Ее первым делом являются «дефиниции, четкие определения имен и классификация». Описание для Дильтея означает, соответственно, уже научное представление результатов анализа. Он дает в связи с этим следующее разъяснение: «Исходят из развитого культурного человека. Описывают взаимосвязь его душевной жизни, пытаются, как только можно яснее, увидеть с помощью всех вспомогательных средств художественного воображения главные явления, как можно точнее анализируют содержащиеся в этой взаимосвязи отдельные связи. В этом раскладывании (анализе) идут как можно дальше, оставляя то, что сопротивляется анализу таким, каким оно есть; дается объяснение происхождения того, во взаимосвязь чего мы можем заглянуть поглубже, однако с приведением степени уверенности, которая присуща этому объяснению, привлекают повсюду понимающую психологию, историю развития, эксперимент, анализ исторических продуктов...» [19, с. 157]. Поэтому не может быть и речи о запланированном, произвольном методе. И не удивительно, что Герман Эббингаус в своей критической статье против Дильтея не обнаружил уж слишком заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, которые оправдывали бы их претензии на две разные психологии.

Обратимся в этой связи к Ясперсу, который писал: «Он, понимающий психолог, исходит из понятной общей ситуации. Она раскладывается, объясняются один за другим: выражения, содержания и феномены, с одной стороны, внесознательные механизмы – с другой, и будет почувствована возможность экзистенции как эмпирически неисследуемого основания. Наконец, из этого делимого распространения фактов и чувствований опять выстраивается обогащенное понимание взаимосвязей» [13, с. 259]. Ясперс делает различие между познанием общих взаимосвязей, которые он считает собственными задачами понимающей психологии, и применением этих взглядов к отдельному факту. Я еще вернусь к этому различию чуть позже, при обсуждении вопроса о критериях надежности понимания. По базовой структуре предлагаемые Дильтеем и Ясперсом методы совпадают: исходить из целого, тщательный анализ, обогащенное понимание целого; это является и главными пунктами герменевтического метода², который был предложен Шляйермахером (1829) и далее развит Дильтеем

² О герменевтическом методе см.: [10, с. 77, 88].

и Хайдеггером [19, 22]. Ясперс, по сути, выходит за пределы психологического понимания, когда принимает его как путь «прочувствования» экзистенции, как «эмпирически неисследуемое основание».

Теперь несколько слов о третьей модели понимающего метода, предложенной Шпрангером (1914). Духовно-научное (гуманитарное) понимание, согласно Шпрангеру, тесно связано с мировой культурной философией. Он исходит из объективного духа, ценностных и чувственных ориентаций культуры. На первом этапе процесса понимания отдельные ценности культуры «изолируются» (теоретическая, эстетическая, социальная, экономическая, политическая, религиозная ценность) и отводятся от принадлежащих каждой способов поведения и размышления. На втором этапе полученная таким образом психическая структура возводится к типу, т.е. «идеализируется». Тип следует рассматривать как вид категориального остова, с помощью которого открывается конкретная психическая действительность; он не является самоцелью, но «конституирующим звеном» в процессе понимания. Он служит масштабом, нормой, которой конкретная психическая структура «измеряется». Например, если выясняется, что в жизни человека доминирует теоретическая ценность, то эта ценностная ориентация опять может быть увидена в целом культурной системы ценностей; это значит, что теоретический человек руководствуется не исключительно лишь ценностью правды; другие ценностные ориентации также определяют его активность. Этот третий этап, или шаг, в познавательном процессе Шпрангер называет «тотализирование». Четвертый и последний шаг, или этап, – это «индивидуализирование»: на фоне типического узнается индивидуальное.

Шпрангер свой метод декларировал как научный метод познания. У многих психологов и раньше и теперь возникает вопрос, имеем ли мы здесь все еще дело с психологическим методом, с методом психологии, которая себя понимает как опытная наука. В связи с этим мы можем сказать следующее. Шпрангер справедливо считал, что отдельный человек является не только тем неповторимым, единственным существом, тем *individuum ineffabile*, но, как бы мы сегодня сказали, также запечатленным продуктом культуры, результатом различных детерминант культурной среды. Является легитимным и исключительно необходимым подходом к индивидуальному характеру задавать вопрос о социальном характере. В том, как человек приспосабливается к действующим в его культурном кругу нормам, уже лежит свидетельство его индивидуальности.

Итак, мы познакомились с тремя важнейшими методами понимающего метода (метода понимания) и задаем правомерный вопрос: для каких предметных областей психологии они применимы? Уже из этого вопроса следует, что понимание не может, скорее всего, рассматриваться как универсальный метод психологии.

Дильтей считал, что анализирующей и описательной психологии открыта тотально вся душевная жизнь. Но,

как справедливо пишет Понграц [30, с. 270], с этим вряд ли можно согласиться. Большая область «физиологической психологии» не поддается пониманию. Связи между психическим переживанием и коррелирующими телесными процессами объясняются, может, не строго каузально, а кондиционально, но не понимаются. То же самое относительно психофизики, которая исследует психические реакции на внешние раздражители, не являющиеся предметом понимания. В то же время мы можем нередко понять результаты экспериментальной зоопсихологии. Что собака Павлова на условный сигнал – звук колокольчика – выделяет слюну, это следует принять. Но когда крыса-мама, как только услышит писк своих детенышей, преодолевает угрожающую ей преграду, это мы можем понять. О «границах понимания и безграничности объяснения» писал и К. Ясперс [13, с. 371].

Названные психологические дисциплины и по сегодняшний день остаются основным исследовательским полем естественно-научной, объясняющей психологии. Другие находились вплоть до последнего времени в руках понимающей психологии: в первую очередь психология выражения (экспрессивная психология) и психология личности. Дильтей придавал большое значение экспрессии переживания, поскольку мы узнаем больше через нее, чем посредством интроспекции. И самопознание, по его мнению, тоже осуществляется через выражение. Психология выражения (экспрессивная психология – *Ausdruckspsychologie*) и сегодня не очень признаваема естественно-научно ориентированными психологами, несмотря на ее долгую и богатую историю [9, 18, 27, 31]. Психология личности является предпочитаемой областью исследования также в поведенческой психологии. Свойства/черты выявляются посредством характерологических тестов и «конструируются» с помощью количественных методов из способов поведения. Названные приемы способствуют пониманию сущности, но они одни не могут ее конституировать.

Под сущностью, в психологическом смысле, понимается не платоновская идея, с этим не связывают и этическую оценку, но представляется «окончательно своеобразное, только этому феномену присущее, предлагающее себя в конечном итоге при аналитическом описании» [21, с. 8]. Сущность личности, фазы развития, эмоционального возбуждения и т.д. представляют собой не общее понятие, но внутреннее (*Inbegriff*), для которого все выделяемые существенные признаки являются определяющими. Конечно, познание сущности может случаться донаучно, интуитивно, а может благодаря плановым усилиям.

Предпочитаемый предмет понимающей психологии – это прежде всего тип. Согласно указаниям Дильтея, душевные взаимосвязи представлены в типичном человеке. Для Дильтея любой портрет уже был типом. Он хотел этим сказать, что в каждом индивиде есть что-то от сущности человека. Один из последователей Дильтея выразил эту мысль следующим образом: «Когда я

понимаю, я типизирую» (Langrebe, 1928). Каждый тип представляет собой констелляцию признаков идеального характера. Чистых типов в реальности не существует. Отдельный человек не есть тип, но он в большей или меньшей степени подпадает под определенный тип [16, с. 297]. С методической позиции различают «идеальные типы» и «частотные, или средние типы» (Häufigkeits-oder Durchschnittstypen). Первые из них как бы «высмотрены» из реального многообразия, очищены от всего случайного и идеализированы как чистые типы; они представляют в гештальтпсихологическом смысле «хорошие, или выразительные» гештальты, почему их называют еще «прегнантными типами» [21, 35]. Вторые определяются посредством факторного анализа (Q-техники) (Cattell, 1948).

В общем, типологии упорядочивают по старой схеме: дух, душа, тело. Соответственно этому различают ноологические (духовно- или культурно-научные), психологические (функционально-психологические) и соматологические (конституциональные) типы. Характерными для понимающей психологии являются ноологические типы. Дильтей развил из истории философии типы натуралистического и идеалистического мировоззрения. Шпрангер сформулировал, идя от объективного духа, шесть «жизненных форм», которым соответствуют шесть человеческих типов (1914). Ясперс рассматривал свои мировоззренческие типы как следствие развития гегелевского закона движения духа: вначале доминирует привязанность к традициям («нахождение в скорлупе/раковине»), затем следует скепсис, сомнение в преходящих ценностях («Hang ins Nichts»), наконец, развивается «демонический» человек, который представляет собой синтез обоих первых типов; он создает новые ценности и имеет «свое место в бесконечном» [19].

Понимающая психология видит в типе главную цель своего анализа [30, с. 271]. Она должна ставить при этом, согласно Дильтею, антропологическую задачу. В типе должно высветиться что-то от сущности человека, от общей человеческой природы. Характерологи, напротив, видят в типе не самоцель, они рассматривают его как вспомогательное средство, инструмент анализа индивидуальности. Оба взгляда, по мнению ряда авторов, не противоречат друг другу: типы имеют теоретическую ценность и выполняют служебную функцию. При типизировании проявляется общечеловеческая потребность обозреть всю полноту и многообразие отдельных явлений. Поэтому нас не должно удивлять, что типологическое мышление имеет такую длительную историю. Она восходит еще к Платону, который в своей «Politeia» («Политике») выделил пять типов, к псевдоаристотелевской «Физиогномике», к очеркам по характерам ученика Аристотеля Теофраста, к созданному Гиппократом и Галеном учению о темпераментах. Позднее – это портреты характеров французского моралиста Лабрюера, деление людей Кантом с преобладанием чувства красоты и возвышенного, «наивные» и «сентиментальные»

люди Шиллера, дионический и аполлинический человек Ницше, вплоть до духовно-научных типов Дильтея, с которых мы и начали.

Наряду с экспрессией, характером и типом к специальным предметам понимающей психологии относят мотивационные и смысловые связи. Мотивационные взаимосвязи отличаются от причинных взаимосвязей. Механическая причинность (одинаковые причины – одинаковые последствия) нельзя понять, её нужно принять к сведению. Но как психическое следует из психического – это можно лишь понять. Что вода при ста градусах кипит, при нуле градусов замерзает, это закономерная причинная взаимосвязь. Что ребенок из орального сопротивления сосет палец, это, скорее, следует из понимания, чем из статистических доказательств [24, 27].

Мотивационные взаимосвязи являются и смысловыми взаимосвязями. Познав мотив какого-либо действия, мы можем затем понять и его смысл. Так, оппозиционное поведение подростка приобретает смысл, когда мы смотрим на него с позиции развития самостоятельной, берущей на себя ответственность личности. Наконец, какой-либо феномен приобретает для нас смысл, если мы его видим в качестве звена чего-то целого: экономического человека как форму проявления ценностной системы нашей культуры, акт личностной структуры в целом.

В теорию понимания вводит нас вопрос о ее актовой структуре. Основывается ли понимание на вчувствовании, на интуиции, на непосредственной наглядности, является ли оно по сути своей схватыванием смысла? Означает ли оно то же самое, что и интерпретация? Как отвечают на эти вопросы Дильтея и другие теоретики понимающей психологии?

Согласно Дильтею, понимание покоится на «проникновении, постпереживании и постобразовании». Проникновению в другого должно предшествовать собственное переживание, которое «транспонируется, переносится в чужую душевную жизнь». При этом постпереживание – это нечто большее, чем просто проникновение. Это продуктивный акт, в котором собственное переживание расширяется за счет присоединения чужого переживания. А когда расширяется собственное переживание, то расширяется и горизонт понимания. Переживание и понимание, как уже говорилось, составляют феномен взаимной связи [17, 19]. Карл Ясперс, Ганс Груле и Теодор Липпс [13, 21, 28] говорят о вчувствовании. Согласно Липпсу [21], отцу этого термина, вчувствование есть «внутреннее соделание», внутреннее подражание, часто также двигательное, т.е. выражения, движения совершаются с большей или меньшей степенью заметности. Оллпорт [16], вслед за Фрейдом, говорит в этой связи о «кинестетическом выводе». Кроме того, как считал Липпс, в акте понимания субъект и объект образуют некоторое единство. Можно, например, полностью погрузиться в переживания акробата, со страхом наблюдая за его кунштштуками (трюками), хотя сам акробат может и не испытывать страха. В таком случае

мы имеем дело, скорее, с непониманием. Если принять эту теорию понимания, то мы можем только тогда понять душевное состояние другого, если сможем сделать его своим состоянием, если его радость станет нашей радостью, его печаль – нашей печалью.

Теория вчувствования поднимает вопрос о конгенитальности (сходстве, сродстве) между понимающим и понимаемым. Является гомология структуры *conditio sine qua non*? Дильтей полагал, что она необходима. Он даже считал, что понимание предполагает симпатию; совершенно несимпатичных нам людей мы не можем понять. Это не согласуется с опытом о том, что симпатия, как и антипатия, может исказить объективность понимания. Однако этим ничего не сказано против понимания на основе общностей. Известно, что представители одного пола, статуса, современники, представители одной и той же культуры и т.д. понимают друг друга лучше.

И Дильтей, и Груле приходят к выводу, что понимание не есть односторонний процесс делающего выводы ума/сознания, как не есть и односторонний эмоциональный процесс. Понимание есть целостный акт. Понимает – не функция, понимает весь человек. Тем самым делается вывод, что без личностного участия понимающего нельзя прийти к истинному и полному пониманию. В этом видится отличие понимания от объяснения; при объяснении ученый может сохранять роль «незаинтересованного зрителя», а при понимании он выступает в качестве «понимающего свидетеля». В немецкоязычной литературе можно найти следующее описание различных познавательных позиций ученого-естественника и ученого-гуманитария: «Его предмет и его метод позволяют ему (естественнику) осуществлять редукцию на экзистенциальный минимум наблюдателя. От гуманитария, напротив, требуется полное включение личности со всей ее резонантной поверхностью. Если он должен ее поставить под рациональный контроль, то он должен ее заставить заиграть, чтобы перед ним предстал материал, чтобы он его видел» [33, с. 141]. Понимающий метод означает конец незаинтересованного зрителя в науках о человеке и конец человека как лишь научного объекта познания. Понимание происходит в напряженном пространстве между дистанцией и участием, на языке Античности: между теорией и эросом/жизнью.

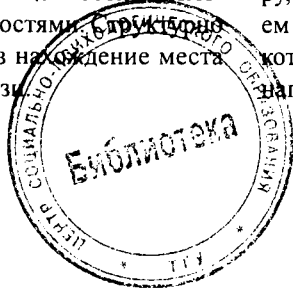
У Шпрангера несколько иной взгляд на структуру акта понимания. Научное понимание становится только тогда возможным, когда берется во внимание, что между субъективным и объективным духом, между отдельным и принятыми в его культуре нормами и ценностями движутся «смысловые связи». Понимание, по Шпрангеру, это, по существу, понимание смысла. Мы понимаем вообще то, что имеет смысл. Мы понимаем какого-то человека, если знаем, какими ценностями он руководствуется в жизни, и когда его ценности соизмеряем с объективно значимыми ценностями. В заключение речи идет здесь о понимании через нахождение места отдельного в общей смысловой связи.

Понимание опирается на интуицию – это третья теория. Интуиция, не есть ли это нечто субъективное, полностью неконтролируемое? Ученый-естественник, стремящийся к объективности, не примет в науку понимание как интуицию. Интуиция относится к искусству – таковы будут его аргументы, это прерогатива гениальных людей. Действительно, понимание нередко связывают с гениальностью. В этой связи Pongratz несколько утрирует ситуацию: «Если понимающие ученые являются избранными, аристократами духа, тогда объясняющим ученым отводится роль бюргеров и рабочих, которые несут на себе груз и жару будней и не в состоянии достичь того уровня познания, как элита духа. Я умышленно несколько утрировал ситуацию, чтобы напомнить, что с теорией интуиции следует быть осмотрительным. Способностями и даром божьим должен обладать каждый исследователь, каким бы он образом не исследовал. Мы не должны, тем не менее, забывать, что большие изобретения в естественных науках, большие эксперименты в психологии были также большими интуициями, которые были подвергнуты затем испытанию огнем эксперимента и статистики» (1967, с. 275).

Что понимают разные авторы под интуицией? Оллпорт [16] противопоставляет интуитивное понимание личности дискурсивному.

Дискурсивное понимание идет через умозаключение и аналогию. Вчувствование тоже ставится на эту сторону. Но интуиция используется Оллпортом в очень широком смысле и как понятие обращена к следующим теориям: 1) прямое восприятие; 2) врожденное знание и идентичность (Платон, Гегель, понимание через общности); 3) непосредственное знание (Бергсон, Лосски, симпатическое единение с реальностью); 4) восприятие индивидуальности (Кроц, неповторимое исходит из естественно-научного обобщения); 5) понимание (специально человека). Оллпорт рассматривает понимание как одну из пяти форм «интуитивизма». Страссер [33, с. 143–165], Понграц [30, с. 276–277] рассматривают «интуицию» как одну из теорий понимания. Но они считают необходимым дифференцировать интуицию, во-первых, по уровням, или слоям, и, во-вторых, «интуицию любого» от «гениальной интуиции», которую «искусство и наука должны благодарить за свои самые большие достижения».

Четвертая теория представляет акт понимания не как интуитивное зрелище, а как наглядность (воззрение, взгляд). Оллпорт причисляет и ее к интуитивным теориям, но к самым простым. Здесь интересные мысли были высказаны Бинсвангером с опорой на Брентано, Джемса, Бергсона: «Психологическое понимание... предполагает всегда наглядность (презентативную и репрезентативную)» [16, с. 264]. Согласно Бинсвангеру, мы и душевные взаимосвязи усматриваем/наблюдаем непосредственно. Например, мы понимаем ребенка, который безуспешно пытается достать яблоко и плачет наглядно/непосредственно; здесь налицо единица пере-

живания, а не свидетельство, которое мы затем приводим во взаимосвязь с последующим. Взаимосвязь здесь дана как целое. Уже ребенок понимает, таким образом, психические взаимосвязи, когда, например, его мама грозит ему пальчиком, когда она им недовольна. «Я смотрю на чужую душевную жизнь и при этом вижу, как она постоянно меняется, находится в постоянном течении, выпуская из себя волну за волной» [17, с. 285]. С этой теорией можно согласиться, считает Понграц [30, с. 277], когда, например, наблюдаешь за поведением агографобика и видишь, что он боится переходить улицу. Но видны ли нам мотивы его страха переходить улицу? На этом вопросе, считает он, «заканчивается наивное «наглядное» понимание и начинается критически проверяющее, научное». По этому поводу довольно метко высказался Оллпорт: «Прямое восприятие никогда не раскрывает связь между отдаленными причинами и актуальными явлениями, в то время как понимание человека требует знания такого рода связей. Для понимания необходимы знакомство, запас опыта, причинный и структурный анализ – все это требует, очевидно, ассоциативной активности. Короче говоря, умозаключения так же необходимы, как и «сенсорное поле»» [16, с. 550].

Следующей темой теории понимания является отношение между пониманием и интерпретацией. Дильтей определяет толкование, или интерпретацию, как «искусство, подобное пониманию продолжительное время зафиксированных выражений жизни»; речь здесь идет прежде всего о речевых фиксациях. Наука, где понимание строится по всем правилам искусства, – это герменевтика. Герменевтический метод – его применение и развитие – начинался с толкования исторических источников и текстов. Перенесенный в психологию, в толкование психологических феноменов, он предполагает также наличие определенного материала, который следует добыть каким-то методом. Это могут быть поведенческие наблюдения, тестовые данные, экспрессивные данные, сны/сновидения, экспериментальные данные и т.п. Во всех случаях описание должно предшествовать интерпретации. Но описание – это тоже научный акт. А до описания должен осуществиться сбор материала. Затем при описании осуществляется упорядоченное отделение несущественного от существенного, проникновение в него и «счастливое формулирование», но не смешивается с интерпретацией – она идет следом. Надо помнить, указывал Дильтей, что описание – это первый акт понимания. Он состоит в выборе способа и образа сравнения, различения, отнесения и взаимосвязывания. И при этом очень важным представляется выбор слов и понятий [19].

Интерпретация же необходима, когда имеющийся материал не может полностью или частично быть понятным. Она прилагается к непонятному. Страссер [33] называет две формы интерпретации: антиципирующее толкование, или гипотеза, и толкование в узком смысле, или герменевтика. Что касается гипотезы, то обычно она

формулируется до эксперимента, так называемая доэкспериментальная гипотеза (или нулевая гипотеза, которая опровергается статистическими данными). Страссер же считает, что существует и «послеэкспериментальная» гипотеза. Интерпретация результатов исследования может проводиться в форме гипотезы, с чем можно согласиться. Послеэкспериментальная интерпретация является одновременно и доэкспериментальной гипотезой для следующего исследования. Герменевтическая интерпретация первоначально была духовно-научным/гуманитарным методом толкования. И психология также уже не обходится без герменевтического толкования [10]. Движение от части к целому и опять к части, упорядочение предмета интерпретации в смысловые связи и соотнесение двух отдельных факторов – все это существенные акты герменевтического понимания. В пределах нашей науки – психологии – этот метод применяется преимущественно в психологии личности, экспрессивной психологии, психодиагностике, психологии развития, социальной психологии, психопатологии.

Итак, при рассмотрении актструктур понимания мы получили разные ответы. Как можно их упорядочить? Попытаемся это сделать, прибегнув к материалу, предложенному Понграцем:

а) Дильтей и Ницше высказывались по этому поводу, а Хайдеггер [22] это тематизировал следующим образом: понимание есть экзистенциальное базовое определение человеческого бытия. Понимание и бытие, по Хайдеггеру, «одного и того же происхождения». Происходят они из «первичного понимания», или наивного понимания, свойственного человеку изначально. Дело в том, что в любом нашем вопросе как бы уже имеет место некоторое предпонимание. Это первичное понимание включает в себя теории «вчувствования», «интуиции» и «наглядности», которые происходят дорефлексивно и непосредственно;

б) на основе этого изначально, имманентного относительно жизни понимания, человека в особенности, строится научное, критическое понимание как метод. Но следует помнить, что в это первичное понимание уходят корни как понимающего, так и объясняющего методов. Правда, это не означает, что нужно отрицать их специфичность и все бросать в одну корзину. Они отличаются, о чем мы сейчас и поговорим.

Прежде чем мы рассмотрим различия и общее в объяснении и понимании, мы должны поставить вопрос о критериях достоверности высказываний и заключений понимающего метода. Если они у него есть, то только в этом случае он может выступать на равных с методом объяснения.

Наука, как правило, должна довольствоваться вероятностями, так как истина – это идеал, вероятность – это реальность. В этих рамках функционирует и понимание. Понимающий метод – это не эзотерическая процедура, это не занятие для аристократии духа. Он отвечает критериям науки. Он может делать свои методи-

ческие шаги опосредствованно и подвергаться контролю. Консенсус опытных и объективно-доказательных фактов – основание также и для метода понимания.

В заключение сравним понимание и объяснение, выявив еще раз то, что их отличает и объединяет. Понграц предлагает для большей наглядности построить следующую схему [30, с. 281–282].

«лучше», а считают, что они, скорее всего, дополняют друг друга. За это уже был Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же как и В. Джемс, К. Бюлер видел в них две ступени познавательного процесса:

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Объяснение

Понимание

Профиль различий

Исходные аспекты

1. Гипотеза(ы)

1. Нечто данное/случай/событие (переживание и поведение)

2. Части (элементы)

2. Целое (структурные связи)

(Образ) действия

3. Конструктивный, синтетический (психические образования и взаимосвязи объясняются как соединения элементов)

3. Раскладывающий, аналитический (из данных целостностей выделяются «составные части, звенья»)

4. Экспериментальный, количественный

4. Интерпретирующий, качественный

Методологическая характеристика

5. Каузальная редукция (или регрессивная редукция)

5. Эйдологическая редукция к сущностям и идеальным типам

6. Верификация гипотез через эксперимент и статистику

6. Интерпретация на основании «объективностей»

7. Операциональный

7. Феноменологический

8. Номотетический

8. Идеографический

Цель

9. Законы, статистические значения

9. Смысловые связи, сущности, типы

Критерии

10. Прогностичность, статистически надежные подтверждающие реакции, повторяемость/воспроизводимость

10. Очевидность, согласие специалистов, объективные данные

Познавательная позиция

11. Дистанцированная «Незаинтересованный зритель»

11. Включенная/энгажированная «Понимающий свидетель»

Общее

1. Непосредственное, дорефлексивное понимание как корень познания.

2. Объективные данные как основа научных выводов.

3. Контролируемость выводов.

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественно-научной процедуры. Понграц [30] считает, что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» [20] вескими аргументами постарался защитить естественно-научную психологию. Правда, он не все увидел, больше сосредоточившись на общем, упустив из виду различия. Представители же понимающей психологии уж слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Здоровые голоса, которые раздавались раньше и слышны сейчас, эти подходы не абсолютно противопоставляют и не указывают, какой из них

«интуиция – это первое, но последнее слово все же за индукцией» (1929). К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир – объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие – независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, – в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению. ... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» [13, с. 371–372]. А некоторые психологи – уже наши современники – справедливо считают, что «в психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не

на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности» [6, с. 9].

В течение XX столетия много раз поднимался вопрос о методологическом/методическом кризисе психологии [1], о необходимости уйти от «методического монизма» [36]. Эта тема благополучно перевалила через границу столетий и остается предметом острейших дискуссий и в XXI в. Сегодня, как отмечают многие психологи, имеются признаки нового-старого методического/методологического кризиса психологии [5, 14]. Но попытки разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественно-научного методического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Имеет место этакая претензия на монополию «незамутненного взгляда», на порождение «новой парадигмы и революцию в психологии». Так и хочется сказать: «Господа, тщательнее читайте не только своих кумиров и себя, любимых, но и проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях действительность усекается ради прекрасных глаз собственной теории. К. Ясперс тоже обращал внимание на проблему предрассудков, в том числе философских, теоретических и других, которые «отягощают и парализуют нашу мысль» [3, с. 41]. История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предрассудков, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения» [4].

На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Кронбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «схизисом» между экспериментальными и коррелятивными направлениями интеграцией. Джон Коэн на Международном психологическом конгрессе в Бонне (1961) доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклопную, одноглазую психологию». Годом раньше при своем основании Ассоциация экзистенциальной психологии и психиатрии объявила, что «хотела бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Мэй), экзистенциальную тенденцию (Роджерс), позицию дисциплинированной наивности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов [30, с. 284]. В 1962 г. отделение философской психологии Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической/методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений [29, 34]. Эти мысли остаются актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма» [14]. Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии и на Сибирском психологическом форуме (16–18 сентября 2004 г., Томск).

Литература

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.
3. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: ТГУ, 1993.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. М.; Томск, 2004. С. 372–386.
5. Залевский Г.В., Залевский В.Г. Психология и психологи на пороге XXI века // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 13. С. 8–12.
6. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. С. 9–17.
7. Роговин М.С. Проблема понимания: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1956.
8. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
9. Роговин М.С. Проблема экспрессии и ее место в психопатологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70, вып. 1. С. 137–143; вып. 2. С. 280–289.
10. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
11. Роговин М.С., Залевский Г.В. Верифицируемое и интуитивное познание психического // Сибирский психологический журнал. 2002. № 14–15. С. 8–13.
12. Сибирский психологический журнал. 2004. № 20.
13. Ясперс К. Общая психопатология: Практика. М., 1997.
14. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
15. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 5. С. 35–45.
16. Allport G.W. Persönlichkeit. Stuttgart, 1949.
17. Binswanger L. Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin, 1922.
18. Bühler K. Ausdruckstheorie. Jena, 1933.
19. Dilthey W. Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie // GS. 1924. Vol. 5.
20. Ebbinghaus H. Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zschr. für Psychologie. 1896. Bd. 9.
21. Gruhle H.W. Verstehende Psychologie. Stuttgart, 1948.
22. Heidegger M. Sein und Zeit. Berlin, 1963.
23. Heiss R. Die Lehre vom Character. Berlin, (1936) 1949.
24. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. Heidelberg, (1913) 1948.
25. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, (1919) 1954.

26. Kirchhoff R. Allgemeine Ausdruckslehre. Göttingen, 1957.
27. Kirchhoff R. (Hrsg.) Ausdruckspsychologie // Handbuch der Psychologie. Göttingen, 1964. Bd. 5.
28. Lipps Th. Vom Fühlen, Wollen und Denken. 2 Aufl. Leipzig, 1907.
29. May R. (Hrsg.) Existential Psychology. (1961) 1965.
30. Pongratz L.J. Problemgeschichte der Psychologie. München: Franke Verlag Bern und., 1967.
31. Rohrer H. Charakterkunde. Urban&Schwarzenberg. München; Berlin; Wien, 1975.
32. Spranger E. Lebensformen. Halle. 7 Aufl. 1930.
33. Strasser S. Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft von Menschen. Berlin, 1964.
34. Wann T.W. (Hrsg) Behaviorism and Phenomenology. London, 1964.
35. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Heidelberg, 1922.
36. Wellek A. Der Rückfall in die Methodenkrise der Psychologie und ihre Überwindung. Berlin, 1959.

DAS VERSTEHEN (COMPREHENSION) AS A METHOD OF THE SCIENCES OF PSYCHE

G.V. Salevski (Tomsk)

Summary. In this article the theoretic-historical analysis of comprehension is made in the context of the new crisis of the psychological science to be declared today. It is showed, how the attempts be down to go away from the natural-scientific monism to the humanistic-scientific monism. The author of this article as some others scientists is against «the cyclop or uniocular psychology».

Key words: das Verstehen/comprehension, das Erklären/explanation, interpretation, natural-scientific, humanistic-scientific, empathy.